




MACIEJ WALCZAK

Uniwersytet Śląski w Katowicach

 <http://orcid.org/0000-0001-6313-5672>

## Мотив смерти у Шолом-Алейхема и Фёдора Решетникова (*Касриловка vs Подлиповцы*)

MOTYW ŚMIERCI U SZOLEMA-ALEICHEMA I FIODORA RESZETNIKOWA (*KASRYLEWKA VS PODLIPNIACY*)

**Streszczenie:** W artykule poruszany jest motyw śmierci na materiale opowiadań Szolema-Alejchema *Kasrylewka* i szkicu etnograficznego *Podlipniacy* Fiodora Reszetnikowa. Choć wspomniany motyw nie jest w obu utworach głównym i pierwszoplanowym, lecz ma charakter bardziej towarzyszący i pojawia się w tle głównej osi fabularnej, to jednak nabiera on różnego symbolicznego, kulturowo- i społeczno-bytowego nacechowania. Autor omawia poszczególne przykłady z uwzględnieniem pojawiających się w wybranych tekstach typów śmierci: śmierć patologiczna w wyniku chorób, głodu i niekorzystnych czynników klimatycznych, śmierć gwałtowna w wyniku nieszczęśliwego wypadku lub samobójstwa, śmierć metaforyczna, rozumiana jako porzucenie dotychczasowego sposobu życia i śmierć jako obiekt działalności zarobkowej.

**Słowa kluczowe:** śmierć, metafora, motyw, obraz śmierci w literaturze

THE DEATH MOTIF IN SHOLEM-ALEICHEM AND FYODOR RESHETNIKOV (*KASRILOVKA VS PODLIPOVTSY*)

**Summary:** This article explores the motif of death, drawing on the short stories of Sholem-Aleichem *Kasrilovka* and the ethnographic sketch *Podlipovtsy* by Fyodor Reshetnikov. Although the aforementioned motif is not central or foregrounded in either work, but rather is more of an accompanying character and appears in the background of the main plot, it nevertheless takes on various symbolic, cultural, and socio-existential significance. The author discusses individual examples, taking into account the types of death appearing in the selected texts: pathological death resulting from disease, starvation, and unfavorable climatic factors; violent death resulting from an accident or suicide; metaphorical death understood as the abandonment of one's previous way of life; and death as an object of commercial and profit-making activity.

**Keywords:** death, metaphor, motif, image of death in literature

Настоящая статья представляет собой очередную и последнюю, завершающую, часть предложенного нами цикла, объектом которого были рассказы Шолом-Алейхема из сборника *Касриловка* и повесть *Подлиповцы* Фёдора Решетникова<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. П. Червинский, М. Вальчак, *Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Ф.М. Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, „Iudaica Russica” 2019, nr 2(3), s. 111–132; М. Вальчак, *Семья и семейные отношения у Шолом-Алейхема и Фёдора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, „Iudaica Russica”

В данном исследовании хотелось бы обратить внимание на мотив смерти, который по-разному и своеобразно проникает оба литературных произведения, а сама смерть в этой связи может приобретать в них различную символическую, культурно маркированную и социально-бытовую значимость и обусловленность.

Проблематика широко понимаемой смерти получила основательное и всестороннее освещение как с позиции лингвистики<sup>2</sup> и литературоведения<sup>3</sup>, так и философии<sup>4</sup>, психологии<sup>5</sup>, теологии<sup>6</sup> и других наук. Смерть, её неизбежность и брэнность человеческого существования, как лейтмотив мирового искусства, вписываются в общий контекст восходящего к библейской традиции жанра *ванитас*, ярко себя выразившего не только в европейской живописи средневековья и барокко, но и в текстах художественной литературы разных эпох<sup>7</sup>, а также танатологических мотивах разного рода. И хотя в выбранных нами для сопоставления произведениях мотив смерти является не столько основным и ведущим, сколько фоновым

2021, nr 1 (6), s. 97–114; М. Вальчак, *Пространства и пространственные объекты у Шолом-Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, „Iudaica Russica“ 2022, nr 2(9), s. 68–84.

<sup>2</sup> В качестве примера приведём лишь некоторые работы: А.В. Burzyńska, J. Kamieniecki, *Wpływ przeszłości na językowy obraz śmierci ludzi i zwierząt w polszczyźnie*, „Problemy Języka i Kultury” 1997/1998, nr 9/10, s. 81–92; A. Tambor, *Związki frazeologiczne oznaczające śmierć (na materiale francuskim)*, „Poradnik Językowy” 1987, nr 1, s. 40–46; K. Herej-Szymańska, *Biblijny obraz językowy stosunku człowieka do śmierci*, „Język Polski” 2004, nr 3, s. 164–173; А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Константы и переменные русской языковой картины мира*, Языки славянских культур, Москва 2012; О.С. Цыдендамбаева, О.А. Доржиева, *Концепт смерть в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков*, «Филология: научные исследования» 2020, № 2, с. 67–77; П. Червинский, *Предметный мир примет и поверий (Проживание смерти)*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2022.

<sup>3</sup> А. Ražny, *Śmierć i nieśmiertelność w twórczości Fiodora Dostojewskiego*, „Slavia Orientalis” 1998, nr 3, s. 425–431; О.Е. Похаленков, А.О. Семенов, *Интерпретация образа смерти в литературе периода первой мировой войны*, «Art Logos» 2023, № 2 (23), с. 60–67; А.В. Архангельская, Басня И.А. Крылова «Крестьянин и Смерть» и сюжет о Старике и смерти в русской литературе XVII–XVIII вв. «Литературоведческий журнал» 2019, № 46, с. 82–93.

<sup>4</sup> А.Я. Иванюшкин, К.Ф. Лях, *Тема смерти в истории философии*, «Вестник МГТУ» 2011, т. 14, № 2, с. 402–409; Т.В. Мордовцева, *Идея смерти в культурнофилософской ретроспективе*, Издательство ТИУиЭ, Таганрог 2001.

<sup>5</sup> А.В. Юревич, *Психологические факторы отношения к смерти*, «Наука. Культура. Общество» 2017, № 3–4, с. 35–48; A. Gałuszka, *Blisko, coraz bliżej... psychologiczne aspekty umierania i śmierci*, w: *Utrata i żaloba: teoria i praktyka*, R. Kleszcz-Szczyrba, A. Gałuszka (red.), Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2016, s. 11–20.

<sup>6</sup> A. Sarwa, *Rzeczy ostateczne człowieka i świata. Eschatologia Kościoła wschodniego*, Wydawnictwo Ravi, Łódź 2002, s. 80–90.

<sup>7</sup> Ср. А. Килар, *Мотив смерти в русской литературе XIX-го века: культурный аспект*, «Журнал филологических исследований» 2022, т. 7, № 4, с. 46–49; E. Sarnacka, E. Krajewska-Kułak, K. Van Damme-Ostapowicz et al., *Postrzeganie śmierci w literaturze średniowiecza*, w: *W drodze do brzegu życia*, t. 6, Uniwersytet Medyczny, Białystok 2009, s. 191–200.

и сопутствующим, составляет он неотделимую часть сюжетной линии, особенно в повести Решетникова.

Отмеченное подтверждается и высокой частотностью в *Подлиповцах*<sup>8</sup> лексических единиц, создающих лексико-тематическое поле *смерть*, включающее в себя такие, особенно активные, лексемы, как глаголы с корнями *-мер-* / *-мир-* (*помереть* — 87 раз, *умереть* — 28 раз, *вымереть* — 1 раз, *умирать* — 1 раз), *-ры-/рой-* (*зарыть* — 12 раз, *зарывать* — 2 раза), существительные *горе* (25 раз), *гроб* (22 раза), *смерть* (9 раз), *кладбище* (8 раз), *могила* (7 раз), *покойник* (6 раз), реже *мертвец* (3 раза) и *труп* (2 раза), прилагательное *мёртвый* (8 раз), причастие *умерший*, включая субстантивированную форму, (5 раз).

В рассматриваемых текстах смерть, как отмечалось, выступает в разных проявлениях, представляя собой не только прекращение жизни в результате намеренного либо случайного воздействия внешних факторов, но и в переносном отображении. Названные проявления можно представить в следующем видовом разделении:

- Ненасильственная (естественная) смерть и её разновидность:
- Патологическая смерть от болезни, голода или неблагоприятных бытовых условий,
- Насильственная смерть — в результате (само)убийства либо несчастного случая,
- Метафорическая смерть — прекращение определённого образа жизни,
- Смерть как объект заработной деятельности.

В рассматриваемых текстах явно преобладает мотив патологической смерти, что особенно часто находит своё отражение у Решетникова, будучи, как представляется, результатом специфики самого жанра — этнографического очерка, направленного, в том числе, на передачу социально-бытовых особенностей и условий определённого этноса<sup>9</sup>, в данном случае пермяков, населяющих северо-восточную европейскую часть России. В этой связи пронизывающий повествование *Подлиповцев* мотив патологической смерти опосредованно

<sup>8</sup> Все сведения и цитаты приводятся здесь на основании электронного издания: Ф.М. Решетников, *Между людьми*. Повести, рассказы и очерки, издательство Современник, Москва 1985, [http://az.lib.ru/r/reshetnikow\\_fm/text\\_0010.shtml](http://az.lib.ru/r/reshetnikow_fm/text_0010.shtml) [дата обращения: 10.10.2025].

<sup>9</sup> Подробнее об этом см. М.В. Тарасова, *Своеобразие этнографического очерка в сибирской периодической печати 1850–1880-х гг. (на материале «Томских губернских ведомостей»)*, «Вестник Томского государственного университета» 2023, № 497, с. 34–46.

воспроизводит образ тяжёлого быта данной этнической группы, подверженной голоду и неблагоприятным природно-климатическим условиям приуральской области.

Уже в самом начале повествования даётся картина зимней, полумёртвой деревни, лишённой проявлений человеческой активности:

Зимой еще хуже. Тогда все дома точно погребены снегом, на дороге целую неделю не видать следов человеческих, все как будто спряталось, только кой-где корова промычит да рыщет по полю собака. Так вот и кажется, что люди вымерли или напала на них спячка.

Патологическая смерть вписывается в повседневную жизнь подлиповцев, обуславливаясь, как говорилось, прежде всего недостатком питания (голодная смерть), а также вызванными недоеданием болезнями:

[...] а подлиповцы помнят станового, как он, когда в Подлипной умерло с голоду шесть человек, обласкал не только мужчин, но и женщин, сам не зная за что. [...] остальное время все едят мякину с корой, и от этого у них является лень к работе, болезнь, и часто все подлиповцы лежат больные, сами не зная, что с ними делается, а только ругаются и плачут [...] А в деревне што! тот болен, другой помирает, третьего везти хоронить надо, да поп еще привяжется. Эх!.. Надоела эта жизнь!..

Стоит также отметить, что в очерке Решетникова наглядно показана психологическая сторона постоянного столкновения со смертью — высокая смертность вызывает у подлиповцев некую десенсибилизацию и жизненную апатию, в силу чего прекращение жизни предстаёт в их сознании не только как событие грустное, но в то же время и как обыденное, привычное, неизбежное и ожидаемое, а поэтому как обстоятельство, для предотвращения которого не стоит предпринимать каких-либо действий или усилий:

Подлиповцев нельзя винить ни в чем: они глупы, необразованы, но кто их вразумит, куда они пойдут?.. «Уж помру тожно, а тамока где уж!» [...] Умрет тот или другой, они хотя и думают, что так и надо умереть, но им обидно, досадно, что умер такой-то, что опять надо к попу ехать венчаться. [...] «Экая беда! — думает Пила, — что теперь делать — не знаю. Уедь я, — все помрут, и Апроська, и Сысойко». [...] Везде бедная обстановка, нечистота, плач и стоны; половина лежит, половина сидит молча или что-нибудь делает, ругая работу, ругая себя и все окружающее. Словно всем им жизнь опротивела, все чем-то мучатся, всем постыл свет божий...

В приведённых фрагментах смерть является также источником дополнительных невзгод, хлопот и обременений, заставляющих подлиповцев не только выходить за пределы родной

деревни, покидать безопасное, как своё, пространство, но и вступать во взаимодействие с православными священниками и представителями государственной власти, от контакта с которыми одни неприятности. В подтверждение обратимся к такому отрывку:

Священник требовал, чтобы крестьяне непременно крестили детей, везли в село умерших, венчались; первое подлипovsky не исполняли до тех пор, пока священник не приезжал сам за сбором; за умерших они боялись и везли все покойника в село. [...] хотя он (священник — *М.В.*) живет в селе, за пятьдесят верст, но как приедет в Подлипную, то дьячок непременно уведет самую лучшую корову или лошадь и продаст, а подлипovsky молчат, думают, так и надо, хотя и горько им, и обидно; а не дашь, становой приедет. [...] Пила стал рассуждать, что делать с ребятами. Зарыть их так — поп узнает, и тогда беда; ехать к попу — будет денег просить...

Стоит однако обратить внимание, что на фоне проникнутой смертельной подавленностью картины Подлипной контрастно выделяются главные персонажи — Матрёна и Пила, для которых вопрос смерти остаётся неизменно живым и актуальным, становясь при этом объектом размышлений не столько философско-метафизического или экзистенциального, сколько собственно физиологического характера, не приостанавливая одновременно стремления выжить и как-нибудь выбраться из плачевного положения, в котором инстинкт эрос всё же сильнее, чем *танатос*:

Подумай Матрена об этом при жизни Апроськи, представь себе то, что Апроська, как и все, может умереть, теперь бы ей не так жалко было Апроськи. Но Матрена никак об этом не думала: она хотя и видела умерших женщин, но никак не могла представить себе того, что Апроська может умереть? она не могла до сих пор понять: что это такое делается с людьми, когда умирают, и зачем их зарывают в землю? Матрена даже не верила, что и она может умереть, а если говорила о своей смерти, так только так себе, зря, и то когда сердилась. [...] Оба они (Пила и Сысойко — *М.В.*) думали о смерти; но все-таки обоим им казалось страшно умереть, обоим хотелось еще пожить...

В *Подлиповцах* находят своё отражение и примеры насильственной смерти, хотя определение «насильственная» не следует понимать буквально, поскольку имеется в виду стремление подвести к смерти, вызвать её ради облегчения и прекращения постоянных страданий от голода, холода, болезней, гнетущей нищеты, безвыходности положения. В этой связи можно говорить, хотя с некоторым допущением и довольно условно, о своеобразной попытке эвтаназии, производимой не безболезненным и гуманитарным образом, особенно по отношению к детям:

А если Сысойко сажал их на полати, что случалось очень редко, то ребята то и дело получали колотушки... Он даже нарочно сажал их на голый пол, для того, чтобы они скорее умерли, нарочно не давал есть, думая, что они помрут; но ребята кричали с каждым днем хуже, – Сысойко злился, хотел их пришибить чем-нибудь, но ему было жалко, он чего-то боялся...

Смежный мотив вызывания смерти из желания прекратить нестерпимые страдания и боли при рождении ребёнка находим в рассказе *Человек родился* Шолом-Алейхема:

— Боже милостивый! Отец небесный, родимый, сердечный, помоги мне умереть!..

У Рейзл схватки начались еще рано утром, но она пряталась от всех, хотела, чтобы никто о том не знал. Ближе к вечеру, когда подступили нестерпимые боли, она упала на кровать, заломила руки, стиснула зубы, вся посинела, почернела и закричала не своим голосом:

— Мама дорогая! Дай мне силы, чтоб не тяжело было умереть!!!

В том же рассказе встречается и мотив самоубийства, хотя только планируемого и в итоге не совершённого. Не совершившееся самоубийство, скорее всего, можно было бы объяснить суровыми правилами иудаизма и еврейской философии, согласно которым суицид предстаёт как нарушение божьего закона. Как замечает Андрей Андрианов, согласно представлениям иудаизма, жизнь есть высший дар Божий, благословение Божие: «В свидетели призываю Я на вас сегодня небо и землю — жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие, — избери же жизнь, чтобы жил ты и потомство твоё...» (Дварим 30, 19)<sup>10</sup>. Не без этого Рейзл в последний момент отказывается от попытки оборвать свою жизнь:

А горе было немалое — она почувствовала, что должна стать матерью. Горе, горе, что ей делать? Куда денется, к кому обратится? Не страшись Рейзл бога и ада, она бы сама над собой расправу учинила! И очень возможно, что в тот день, когда она стирала белье у реки, ей захотелось кинуться в воду. Но, вспомнив о страшных муках на том свете, Рейзл ухватила узел с бельем и пустилась, ни жива ни мертва, бежать домой. (*Человек родился*)

Особым видом насильственной смерти в очерке Решетникова можно считать кончину вследствие колдовства, которое несмотря на свою народно-мифологическую и суеверно-предрассудочную определённую предстает как средство намеренно-сознательного воздействия со стороны

<sup>10</sup> А. Андрианов, *Иудейская традиция по вопросу эвтанази*, «Ипатьевский вестник» 2019, № 7, с. 192–193 (с. 192–197). Цит. по: *Тора (Пятикнижие Моисеево)*, ред. рус. перевода П. Гиль, под общ. ред. проф. Г. Брановера, Шамир, Арт-Бизнес-Центр, Иерусалим–Москва 1993, с. 1111.

подлиповцев на всяких других имеющих с ними контакт, особенно чужих и посторонних. Тем более, что считающиеся колдунами, не только Пила и Матрёна, в представлении жителей других деревень, а к этому и некоторых подлиповцев, дополнительно наделяются признаками существ потустороннего мира, вызывающих страх и ощущение опасности, исходящей от них:

Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слывят за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами: захочет подлиповец посадить килу (грыжу) — посадит, захочет, чтобы такой-то умер — умрет. [...] Мужики боялись Пилы и Матрены. Они давно наслышались, что все чердынские крестьяне колдуны, а колдун, по их понятиям, опасный человек, да и не человек, а черт не черт, а что-то особенное: и человеком ходит, и невидимкой делается, с нечистой силой знается, медведем бегаёт, сорокой летает и проч., и проч... [...] Хозяйка верила всем предрассудкам и страшно боялась колдунов. Пилу она и прежде считала за колдуна, потому что он хитрил над мужиками и возил с собой какие-то травы, которые и ей давал. Увидев теперь, что его испугались мужики, она тоже струсилась. [...] Все подлиповцы удивлялись Пиле: как это он всегда успевает, все умеет сделать, всегда весел и редко хворает, даже и с семьей его ничего не делается. Поэтому его прозвали колдуном и боялись.

В цикле рассказов Шелом-Алейхема прослеживается мотив метафорической смерти, предполагающей главным образом забвение, уход от предыдущего образа жизни, отказ от перенятых культурно-религиозных и социальных ценностей, обусловленных еврейской традицией. Отмеченное находит своё выражение в лице Натальи / Ентл, которая вследствие непреклонного требования мужа-тирана вынуждена порвать с предыдущим образом жизни:

И покинула Ентл отчий дом и тотчас перестала быть Ентл: в богатом и шумном Хмельнице она превратилась в Наталью. Но не думайте, что это превращение далось ей легко и просто. Много сил и трудов пришлось потратить Жаку, чтобы она стала не просто Натальей, а именно той Натальей, какая приличествует дому Пфеферкранца. С тяжёлым сердцем расставалась она с париком, прикрывавшим лоб, с женским молитвенником, с субботними свечами и со многим, многим другим, что с детства в глазах набожной Ентл было свято и непреложно. Очень трудно было ей ломать свои привычки, обычаи и перевоплощаться из скромной еврейской девушки в богатую светскую даму. *(Из-за редьки)*<sup>11</sup>

Подобный мотив духовно-нравственной смерти, как результат давления со стороны того, от кого по условиям жизни

<sup>11</sup> Все цитаты по электронному изданию: Ш. Алейхем, *Касриловка*, перевод Ш. Розеноер, Текст, Москва 2008, <https://readli.net/serie/3258/> [дата обращения: 10.10.2025].

зависят, может пониматься и более широко, аллегорией не прекращающихся на протяжении многих столетий преследований еврейского народа, изгнанного из своей родной земли и вынужденного искать жизненное пространство по всему миру, нередко отказываясь от собственной этнокультурной идентичности. И только Израиль в настоящее время остаётся тем единственным местом, которое, будучи домом, предоставляет возможность свободного существования согласно обычаям еврейской традиции и веры. В этой связи неудивительно, что после духовно-нравственного омертвления Натальи происходит своеобразное её возрождение, или, если обратиться к религиозной символике, воскрешение: вернувшись в родительский дом, она начинает жить свободно и без подавления.

А госпожа Наталья, она же Ентл, дочь кантора реб Эле, улеглась на своем жестком девичьем ложе, на котором в дни ранней молодости видела столько сладких снов, и впервые после нескольких лет невыносимо мучительного счастья крепко заснула. Она была среди своих, в родной Мазеповке, и, может быть, поэтому сон ее был сладок и безмятежен, как в далекие годы детства. *(Из-за редьки)*

В рассказах Шелом-Алейхема и в *Подлиповцах* встречаются также другие мотивы насильственной смерти, которой подвергаются отправившиеся в путь на заработки жители Мазеповки и Подлипной. В данном случае смерть выступает как обстоятельство, служащее для усиления и остроты описания картины обречённого невзгодами повседневного быта еврейской и пермяцкой общины, члены которой порой вынуждены покидать своё родное, знакомое им и безопасное место. Сама эта смерть описывается иногда не прямо, предполагая следствием продолжительного отсутствия кого-то и прекращения какого-либо контакта с ним:

«Вон ушел из Подлипной Митюк Ковычка, еще молодой, и жену с двумя детьми оставил, да так и пропал. Поди тамока, и тью-тью!.. Пошел Терешка Вятка куда-то лес сплавлять и утонул, сказывают. Мишка Гайва ушел в город какой-то, да так и пропал...» Все это напугало подлиповцев до того, что они замкнулись в своей деревне, и живут по-своему. *(Подлиповцы)*

Портной Зетл через несколько месяцев после свадьбы пустился на поиски заработка. В Америку уехал. Все теперь едут в Америку. Уехал Зетл – нет его, как в воду канул.[...] Рейзл ждала его каждую минуту, каждое мгновение: если только он жив и здоров, он, несомненно, вернется или письмо напишет. *(Человек родился)*

Еврейское общество, изображённое в рассказах Шелом-Алейхема, в отличие от пермяцкого этноса, проявляет, скорее,

задумчиво-ностальгическое и философски настроенное отношение к смерти. Это можно заметить в образе кладбища, которое предстает как особо важное пространство для касриловских евреев («...считают... сокровищем, украшением города, жемчужиной и оберегают его как зеницу ока» (*Город маленьких людей*)). Кладбище, прежде всего, предстает как место эмоционально-душевного освобождения и метафизического контакта с умершими. Для еврейской традиции (но не только еврейской) оно является разновидностью и замещением дома земного («Вы найдете здесь надгробные домишки-памятники более красивые, чем самые красивые дома в городе» (*Не стало покойников*)), домом умерших членов семьи, существующим также вне пространства и времени<sup>12</sup>:

Со всего света являются сюда, чтобы немного выплакаться, излить на болеевшее сердце перед святыми могилами. Знаете, что я вам скажу? Нигде не плачется так самозабвенно и так сладко, как в Касриловке на «божьей ниве». То есть в синагогах тамошних тоже плачется не так уж плохо. Но какое тут может быть сравнение с плачем на могилах предков? (*Город маленьких людей*)

Так плачут, жалуется на свои горести и беды и другие, женщины, в слезах изливают все, что на сердце накопело, отводят душу в разговоре с любимыми, дорогими, авось хоть немного полегчает, – и впрямь ведь разговорится легко, когда хорошенько выплачешься... (*Не стало покойников*)

Наиболее ярко мотив смерти проявляет себя в упомянутом рассказе Шолом-Алейхема *Не стало покойников*. Смерть и связанные с ней погребальные церемонии и ритуалы выступают здесь, в первую очередь, объектом заработной деятельности, совершаемой местным могильщиком Ребом Арье. Однако рассмотрение данного мотива только в таком ключе было бы поверхностным и в этой связи не вполне основательным.

Обратимся к заглавию рассказа<sup>13</sup>, в котором, как можно предполагать, скрывается тонкая языковая игра, основанная на многозначности глагола *стать*, обозначающего, с одной стороны, 'оказаться достаточным, хватить'<sup>14</sup>, а также безличной его формы *стало* в значении 'быть в наличии'<sup>15</sup>, что в сочетании с отрицанием предполагает 'оказаться недостаточным, не хватить; не быть в наличии'. В то же время безличное

<sup>12</sup> Подробнее об этом см. М. Вальчак, *Пространства и пространственные объекты у Шолом-Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, „Iudaica Russica“ 2022, nr 2 (9), с. 68–84.

<sup>13</sup> Согласно русскому переводу с идиша: Ш. Алейхем, *Касриловка*, перевод Ш. Розеноер, Текст, Москва 2008.

<sup>14</sup> С.А. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000, с. 1263.

<sup>15</sup> Там же.

образование *не стало*, обозначая 'перестать существовать, умереть'<sup>16</sup>, непосредственно вписывается в смертельный контекст. С учётом последнего значения в заглавии возникает своеобразная, но, без сомнения, намеренная со стороны автора многозначность, служащая особым средством выразительности для усиленно-подчёркнутого, отчасти специфического и «по-еврейски» иронически-юмористического представления крайне тяжёлой повседневности в Касриловке. Повседневности, в которой «все самые прекрасные люди поумирали», поэтому и хоронить некого, да и деньги за похороны брать не с кого:

— Смотря по тому, что значит «умирать»! — отвечает он. — Умирать-то умирают, но что в том? Мелкота, птенцы, голь перекатная; что на них работаешь, по правде говоря! Соберешь им на саван, а после первой надгробной молитвы сироты дарят тебе кусок хлеба. Что поделаешь? Что еще остается? [...] А где мне взять? Из больших моих доходов? Покойников нет, а жить-то ведь надо, и замуж выдать внучку, сиротку, девушку уже на возраст, тоже надо.

Интересно также обратить внимание на противопоставление жизни и смерти в образе касриловского кладбища. Само кладбище, связываемое с смертельно-хтонической символикой, обладающее мрачно-ностальгической заряженностью, предстаёт в рассказе как чрезвычайно оживлённое, светлое и красивое место, в котором различные проявления жизни, процветания и активности всего живого явно преобладают над смертью:

Старое-старое касриловское кладбище выглядит гораздо красивее и оживленнее, нежели самый город. Вы найдете здесь надгробные домишки-памятники более красивые, чем самые красивые дома в городе. А то, что здесь земля сухим-суха, нет той глинистой топкой грязи, что в городе, тоже чего-нибудь да стоит! Здесь вы по крайней мере видите перед собой зелень, когда наступает живительное лето, травку, два-три густолистных деревца, слышите чирикание пичужек, прыгающих с ветки на ветку и болтающих о чем-то на своем наречье. Здесь, как большая голубая ермолка, над вами небо с чистым и горячим солнцем. О воздухе и говорить нечего, — он здесь в тысячу раз лучше, свежее и здоровее, чем в городе<sup>17</sup>.

Проведённый анализ даёт основания предполагать, что мотив смерти в рассказах Шолом-Алейхема из цикла *Касриловка* и в очерке Решетникова является важным смыслообразующим

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Часть этого фрагмента уже приводилась ранее в другой связи, здесь мы его рассматриваем с иной точки зрения.

элементом художественного мира данных произведений, несмотря на то, что не выступает в роли центрального сюжетного мотива.

В повести Решетникова преобладает тема патологической ненасильственной смерти, обусловленной голодом, болезнями и тяжёлыми условиями бытия. Высокая частотность мортальной лексики и повседневная «привычность» смерти формируют образ общины, находящейся на грани физического выживания. Смерть здесь становится не столько экзистенциальной проблемой, сколько частью бытовой реальности, вызывая психологическую апатию, десенсибилизацию и фаталистическое принятие неизбежного.

В текстах Шолом-Алейхема мотив смерти приобретает иное концептуальное наполнение. Он проявляется не только в формах физической утраты, но и в виде духовно-нравственной, метафорической смерти, связанной с утратой идентичности, отказом от традиционных религиозных и культурных ценностей. Существенным является и философско-ностальгическое отношение еврейского общества к смерти, отражённое в образе кладбища как особого сакрального пространства памяти, общения с предками и эмоционального очищения. Выявленная у Шолом-Алейхема ироничность и языковая игра в рассказе *Не стало покойников* позволяют совместить трагическое и комическое, подчеркнув, тем самым, парадоксальность и противоречивость повседневного существования.

Сопоставление анализируемых произведений позволяет сделать вывод о том, что мотив смерти функционирует в них как универсальный художественный инструмент, выявляющий глубинные различия в социальном устройстве, культурных кодах и религиозных представлениях изображаемых сообществ. В *Подлиповцах* смерть, прежде всего, служит отображению условий социального уничтожения и бесправия, тогда как у Шолом-Алейхема она становится поводом для философского осмысления жизни, памяти и человеческого достоинства. Мотив смерти в обоих произведениях не только передаёт трагизм исторической реальности, но и становится значимым средством художественного и идейного моделирования мира, в котором человек продолжает искать смысл, надежду, оптимизм и возможность духовного возрождения даже в условиях безысходности и небытия.

## Библиография

- Андрианов А., *Иудейская традиция по вопросу эктаназии*, «Ипатьевский вестник» 2019, № 7, с. 192–197.
- Архангельская А.В., Басня И.А. Крылова «Крестьянин и Смерть» и сюжет о Старике и смерти в русской литературе XVII–XVIII вв., «Литературоведческий журнал» 2019, № 46, с. 82–93.
- Вальчак М., *Пространства и пространственные объекты у Шолом-Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, «Iudaica Russica» 2022, nr 2(9), с. 68–84.
- Вальчак М., *Семья и семейные отношения у Шолом-Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, «Iudaica Russica» 2021, nr 1 (6), с. 97–114.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д., *Константы и переменные русской языковой картины мира*, Языки славянских культур, Москва 2012.
- Иванюшкин А.Я., Лях К.Ф., *Тема смерти в истории философии*, «Вестник МГТУ» 2011, т. 14, №2, с. 402–409.
- Килар А., *Мотив смерти в русской литературе XIX-го века: культурный аспект*, «Журнал филологических исследований» 2022, т. 7, № 4, с. 46–49.
- Кузнецов С.А., *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000.
- Мордовцева Т.В., *Идея смерти в культурфилософской ретроспективе*, Издательство ТИУиЭ, Таганрог 2001.
- Похаленков О.Е., Семенов А.О., *Интерпретация образа смерти в литературе периода первой мировой войны*, «Art Logos» 2023, № 2 (23), с. 60–67.
- Тарасова М.В., *Своеобразие этнографического очерка в сибирской периодической печати 1850–1880-х гг. (на материале «Томских губернских ведомостей»)*, «Вестник Томского государственного университета» 2023, № 497, с. 34–46.
- Тора (Пятикнижие Моисеево)*, ред. рус. перевода П. Гиль, под общ. ред. проф. Г. Брановера, Шамир, Арт-Бизнес-Центр, Иерусалим–Москва 1993.
- Цыдендамбаева О.С., Доржиева О.А., *Концепт смерть в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков*, «Филология: научные исследования» 2020, № 2, с. 67–77.
- Червинский П., Вальчак М., *Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Ф.М. Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы)*, «Iudaica Russica» 2019, nr 2(3), s. 111–132.
- Червинский П., *Предметный мир примет и поверий (Проживание смерти)*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2022.
- Шолом-Алейхем, *Касриловка*, перевод Ш. Розеноер, Текст, Москва 2008.
- Юревич А. В., *Психологические факторы отношения к смерти*, «Наука. Культура. Общество» 2017, № 3–4, с. 35–48.
- Burzyńska A.B., Kamieniecki J., *Wpływ przeszłości na językowy obraz śmierci ludzi i zwierząt w polszczyźnie*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 1997/1998, nr 9/10, s. 81–92.
- Gałaszka A., *Blisko, coraz bliżej...: psychologiczne aspekty umierania i śmierci*, w: R. Kleszcz-Szczyrba, A. Gałaszka (red.), *Utrata i żałoba: teoria i praktyka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2016, s. 11–20.
- Herej-Szymańska K., *Biblijny obraz językowy stosunku człowieka do śmierci*, „Język Polski” 2004, nr 3, s. 164–173.
- Ražny A., *Śmierć i nieśmiertelność w twórczości Fiodora Dostojewskiego*, „Slavia Orientalis” 1998, nr 3, s. 425–431.

- Sarnacka E., Krajewska-Kułał E., Van Damme-Ostapowicz K. et al., *Postrzeżenie śmierci w literaturze średniowiecza*, w: *W drodze do brzegu życia*, t. 6, Uniwersytet Medyczny, Białystok 2009, s. 191–200.
- Sarwa A., *Rzeczy ostateczne człowieka i świata. Eschatologia Kościoła wschodniego*, Wydawnictwo Ravi, Łódź 2002.
- Tambor A., *Związki frazeologiczne oznaczające śmierć (na materiale francuskim)*, „Poradnik Językowy” 1987, nr 1, s. 40–46.